

УДК 338.2(339.98)

РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОГО КОНСТРУКТИВИЗМА В ТЕОРИИ И ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРАКТИКЕ

В. Н. ШИМОВ¹⁾, А. А. БЫКОВ¹⁾

¹⁾*Белорусский государственный экономический университет,
пр. Партизанский, 26, 220070, г. Минск, Республика Беларусь*

Вводятся понятия «экономический конструктивизм» и «глобальные проекты развития». Приводятся примеры глобальных проектов развития в истории и современности, инициированных передовыми экономиками. Рассматриваются причины зависимости периферийных экономик, а также возможности применения ими в макроэкономической политике элементов экономического конструктивизма.

Ключевые слова: глобальный проект развития; проектирование экономических систем; проекты глобальных институтов; экономический конструктивизм.

THE ROLE OF ECONOMIC CONSTRUCTIVISM IN THEORY AND PRACTICE

V. N. SHIMOV^a, A. A. BYKAU^a

^a*Belarus State Economic University,
Partizanski avenue, 26, 220070, Minsk, Republic of Belarus*

The concepts of economic constructivism and global development projects are introduced. Examples of global development projects in old and modern times initiated by advanced economies are shown. The reasons of dependence of the peripheral economies, as well as possibilities of the latters' using the elements of economic constructivism in their macroeconomic policies are considered.

Key words: global development project; economic system projecting; projects of global institutions; economic constructivism.

Образец цитирования:

Шимов В. Н., Быков А. А. Роль экономического конструктивизма в теории и хозяйственной практике // Социология. 2016. № 4. С. 8–17.

For citation:

Shimov V. N., Bykau A. A. The role of economic constructivism in theory and practice. *Sotsiologiya*. 2016. No. 4. P. 8–17 (in Russ.).

Авторы:

Владимир Николаевич Шимов – доктор экономических наук, профессор; ректор.

Алексей Александрович Быков – доктор экономических наук, профессор; заведующий кафедрой экономики и управления Высшей школы управления и бизнеса.

Authors:

Vladimir Shimov, doctor of science (economics), full professor; rector.

rector@bseu.by

Aliaksei Bykau, doctor of science (economics), full professor; head of the department of economics and management of the Higher school of business and management.

bikov_a@bseu.by

О принципе невмешательства: условный пример

На протяжении многих десятилетий одним из ключевых дискуссионных вопросов экономической науки остается вопрос о роли государства в экономике и оптимальных границах между экономическими свободами хозяйствующих субъектов и государственным регулированием их деятельности. В периоды экономической нестабильности и кризисов дискуссия на эту тему приобретает все большую остроту, поскольку поставленный вопрос переходит из разряда теоретических в разряд конкретных управленческих решений и практических рекомендаций по совершенствованию экономической политики.

Среди авторитетных экономических школ наиболее последовательную позицию по этому поводу занимают представители классической/неоклассической школы, придерживаясь принципа невмешательства государства в экономику (фр. *laissez-faire*).

Адам Смит в работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» ввел свой известный тезис о невидимой руке рынка, которая способствует росту общественного благосостояния более действенным образом, чем сознательная деятельность людей на благо интересов общества. Действие невидимой руки рынка иллюстрируется следующим примером: «...поскольку каждый отдельный человек старается по возможности употребить свой капитал на поддержку отечественной промышленности и так направлять эту промышленность, чтобы продукт ее обладал наибольшей стоимостью, постольку он обязательно содействует тому, чтобы годовой доход общества был максимально велик. Разумеется, обычно он не имеет в виду содействовать общественной пользе и не сознает, насколько он содействует ей. Предпочитая оказывать поддержку отечественному производству, а не иностранному, он имеет в виду лишь свой собственный интерес, и осуществляя это производство таким образом, чтобы его продукт обладал максимальной стоимостью, он преследует лишь свою собственную выгоду, причем в этом случае, как и во многих других, он невидимой рукой направляется к цели, которая совсем и не входила в его намерения...» [1, с. 332].

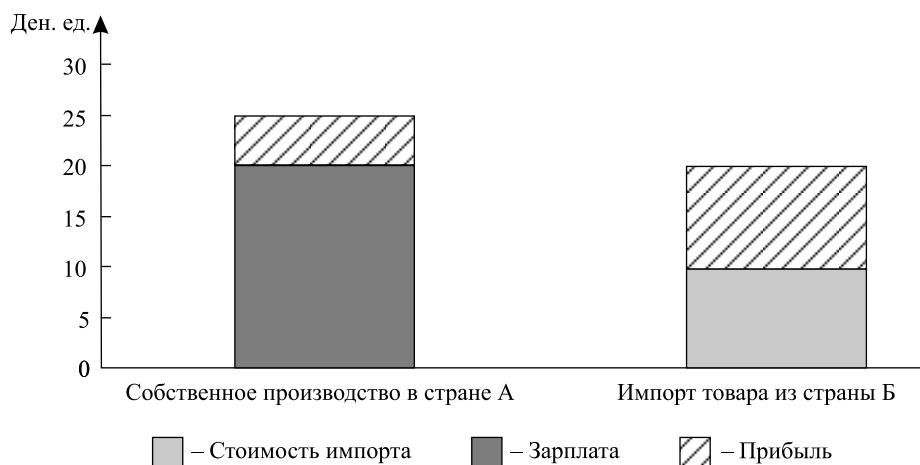
Впоследствии тезис о невидимой руке рынка был воспроизведен представителями неоклассической школы. По мнению нобелевского лауреата Фридриха Хайека, представление о том, что группа государственных администраторов может симитировать рыночное распределение ресурсов, является «заносчивым самомнением» [2, с. 11]. «Рынки, олицетворяющие ожидания миллионов людей, преследующих собственные корыстные интересы, знают больше любого правительства» – так интерпретируется ключевая идея теории рациональных ожиданий, разработанной нобелевским лауреатом Робертом Лукасом [3, с. 62].

Одним из центральных понятий в неоклассической теории является эффективность по Парето – ситуация на рынке, в условиях которой нельзя улучшить положение любого участника экономического процесса, одновременно не снижая благосостояния как минимум одного из остальных. Такая ситуация возникает при минимальном вмешательстве государства в функционирование рынков и достигается за счет свободной конкуренции множества независимых экономических субъектов, что в итоге приводит к оптимальному распределению и наиболее эффективному использованию производственных ресурсов.

Рассмотрим простой пример, иллюстрирующий современные процессы экономической интеграции на основе движения капитала из развитых стран в развивающиеся (см. рисунок). Предположим, первоначально предприниматель производил и продавал определенный продукт в стране А, где расходы на оплату труда в себестоимости продукта составляли 20 ден. ед. С учетом прибыли предпринимателя в размере 5 ден. ед. продукт продавался по цене 25 ден. ед. Затем предприниматель нашел возможность размещать заказы на производство продукта в стране Б, где расходы на оплату труда составляли всего 10 ден. ед. Это позволило ему снизить цену до 20 и одновременно увеличить прибыль до 10 ден. ед.

Решение о переносе производства на аутсорсинг из страны А в страну Б можно назвать парето-оптимальным, поскольку оно позволяет предпринимателю увеличивать доходы и одновременно повысить доступность продукта для покупателей, обеспечив тем самым более эффективное, в сравнении с первоначальной ситуацией, использование производственных ресурсов. Однако нужно отметить, что в такой ситуации продукт обладает меньшей стоимостью и не увеличивает доход общества в стране. Именно это демонстрировал Адам Смит в своем примере, иллюстрирующем тезис о невидимой руке рынка.

Судя по всему, в нашем примере интересы государства и общества, заключающиеся в максимизации добавленной стоимости, вступают в противоречие с интересами

Распределение доходов предпринимателя и наемных работников при условии собственного производства продукта либо его импорта

предпринимателя, стремящегося максимизировать прибыль: в первом случае добавленная стоимость равна 25, а прибыль – 5 ден. ед.; во втором случае добавленная стоимость и прибыль равны и составляют 10 ден. ед. Соответственно, возникают следующие вопросы:

- чем будут заняты рабочие в стране А, в услугах которых предприниматель больше не нуждается?
- на какие средства они будут покупать подешевевший продукт, если не имеют работы и источника дохода?

Сам Вильфредо Парето, анализируя последствия международной экономической интеграции нескольких стран, доказал, что с течением времени доходы и цены в них сравниваются и тем самым будет достигнуто экономическое равновесие. Вероятно, это произойдет и в нашем гипотетическом примере через определенный период времени, после того как рабочие в стране А поменяют квалификацию, а стоимость труда в стране Б возрастет.

Конечно, рассмотренный пример весьма абстрактен и основан на вымышленных цифрах, однако он адекватно описывает типичную для современной экономики проблему, решение которой выходит за рамки неоклассического принципа невмешательства и рыночного саморегулирования. Самое простое решение в данном случае – использовать меры государственного протекционизма, ввести пошлины на импортную продукцию.

Но такое решение тривиально, не учитывает весь спектр возможных последствий и сопутствующих рисков. Нетривиальное решение в данном примере – наращивать доходы работников в стране А, привлекая наиболее талантливых из-за рубежа, что позволит производить и экспортировать более сложные продукты, которые не способны произвести работники в стране Б. Но реализация такого решения требует объединения усилий государства и бизнеса.

Суть экономического конструктивизма

Мы склонны к противопоставлению планирования экономики и рыночных свобод. Традиционно планирование подразумевает воздействие государства на фактор рыночного предложения, регулирование деятельности всей цепочки производства общественного продукта. Планирование обычно заканчивается там, где конечный продукт встречается с потребительским спросом, поскольку административными методами предпочтения покупателей достаточно сложно направить в нужное русло. Если принять за аксиому всеобщий характер закона рыночного равновесия, который действует при любой степени участия государства в регулировании предложения экономических благ, то неминуемые ошибки в разработке планов должны привести к дисбалансам, при которых паритет спроса и предложения нарушается. Дисбалансы на внутреннем рынке потребительских товаров и услуг склонны распространяться на другие рынки, приводя к дисбалансам во внешней торговле и в финансовом секторе.

При таком понимании планирования его субъектом является государство, а объектами – фирмы, производящие и поставляющие продукцию и формирующие предложение на рынке. Но существует и другое понимание планирования, которое характерно для стран, добившихся ощутимых успехов в построении конкурентоспособной рыночной экономики. Его субъектами могут быть как государственные национальные и наднациональные институты, так и крупные фирмы и их альянсы, а объектом воздействия выступает преимущественно потребительский спрос, а не рыночное предложение. В этом смысле рыночная экономика вовсе не отвергает планового начала, но планирование акцентируется преимущественно на поведении потребителей, формировании их предпочтений посредством рекламы и PR.

Управление поведением потребителей, учитывающее законы экономики, позволяет компаниям наращивать прибыль, а государству – стимулировать экономический рост и избегать дисбалансов. Рассмотрение и обобщение на теоретическом уровне примеров встраивания системы планирования в современную рыночную экономику приводит нас к необходимости обоснования категории экономического конструктивизма как особой формы стимулирования потребительского и корпоративного спроса на базе новых идей и крупных проектов в целях долгосрочного экономического роста и достижения конкурентных преимуществ определенных стран и регионов.

Конструктивизм представляет собой одно из течений современной философской науки, в рамках которого познание воспринимается как активное построение субъектом интерпретации мира посредством его конструирования, а не простого отражения. Соответственно, экономический конструктивизм подразумевает под собой процессы социально-экономического конструирования экономической реальности в человеческой активности, формирование и реализацию долгосрочных замыслов и новых идей экономических субъектов в собственных экономических интересах.

В длительной перспективе экономический рост не бывает равномерным и периоды повышательной фазы сменяются кризисами. Если в периоды устойчивого роста экономика по большому счету не нуждается в каких-либо воздействиях извне, то в периоды замедления и рецессии ей необходимы внешние стимулирующие воздействия со стороны государства, наднациональных и финансовых институтов, альянсов крупных компаний. Меры стимулирующего воздействия индивидуальны для каждой экономики в конкретный момент времени, и чтобы ускорить экономический рост, подобные меры нужно заново изобрести, сформулировав их суть в форме новой идеи. Подобные идеи могут охватывать как сферу науки и технологий, организации производства, так и социальную сферу.

Конкуренцию как главный атрибут рыночной экономики часто сравнивают с естественным отбором в живой природе: известно, что Чарльз Дарвин разработал свою теорию эволюции под воздействием работ Томаса Мальтуса и Адама Смита [4, с. 17–18]. На первый взгляд может показаться, что конкуренция в экономике более гуманна в сравнении с естественным отбором, подчинена множеству правил, ограничений и обрела вполне цивилизованную форму. В общепринятой интерпретации конкуренция в экономике близка к конкуренции в спортивных соревнованиях, где за соблюдением правил следят арбитры, в качестве которых выступают национальные и международные институты. Подобное описание конкуренции поверхностно, характеризует лишь видимые и наиболее известные из всех протекающих в экономике процессов. В реальности конкуренция многопланова и многомерна. Конкурируют не только фирмы на рынке, но и государства, экономические блоки, национальные элиты в рамках единого государства, модели экономического развития. Конкуренция ведется между национальными правительствами и корпорациями за ресурсы и технологии. Правительства и крупные компании сами разрабатывают удобные им правила игры во имя укрепления собственных преимуществ, навязывая эти правила остальным игрокам, – такой процесс получил название институционального проектирования.

Мировая экономика, согласно Иммануилу Валлерстайну, представляет собой жесткую иерархическую систему, в которой выделяются ядро, периферия и полупериферия. Усиление государства в регионах ядра своим прямым эквивалентом имело упадок государственных машин в периферийных регионах. Вмешательство иностранцев посредством войн, подрывных действий и дипломатии становятся участью периферийных государств [5, с. 40–41]. Современные правила рыночной экономики и международные институты, призванные контролировать соблюдение этих правил, зародились не спонтанно – их продвинули страны ядра мировой системы в целях реализации собственных интересов и закрепления достигнутого конкурентного преимущества. Неслучайно эти государства сейчас выступают адептами глобального либерализма [5, с. 99].

Учитывая сказанное, экономическим конструктивизмом также можно назвать проектирование глобальных институтов – деятельность по разработке и продвижению национальных и международных правил и норм, следуя которым и навязывая которые другим субъектам мировой экономики, передовые страны ядра мировой системы достигают и удерживают собственное конкурентное преимущество.

Есть много общего между экономическим конструктивизмом и промышленной политикой. Последняя представляет собой комплекс долгосрочных экономических, политических и организационных мероприятий государства, направленных на улучшение отраслевой структуры экономики на основе стимулирования развития приоритетных секторов, реализации национальных программ научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, поддержания конкуренции [2, с. 41–42]. Однако можно выделить ряд обстоятельств, отличающих экономический конструктивизм от промышленной политики:

1) меры экономического конструктивизма могут быть инициированы и реализованы не только государством, но и национальными компаниями;

2) экономический конструктивизм не ограничивается рамками национальной экономики и часто реализуется в контексте международной экономической политики.

В английском языке понятию «экономический конструктивизм» наиболее полно соответствуют термины *economic design* и *economic system design*. И тот и другой условно переводятся как «проектирование экономических систем». Примерами практической реализации проектов новых экономических систем можно назвать глобальные проекты развития, проекты глобальных институтов, другие масштабные инновационные и инвестиционные проекты.

Глобальные проекты развития

Глобальный проект развития – это особо крупный международный проект, нацеленный на экономическую экспансию его инициатора либо на ослабление его геополитических конкурентов за счет создания новых институтов, технологий и схем ведения бизнеса, тиражирование которых в мировой экономике приносит наибольшую выгоду инициатору проекта. Известные глобальные проекты развития характеризуются следующими признаками:

- одновременно являются инвестиционными, инновационными, инфраструктурными и геополитическими проектами;
- последствия их реализации значимы для мировой экономики, влияют на международную систему разделения труда и мировые рынки;
- ускоряют распространение новых технологий и структурные сдвиги в экономике регионов мира;
- способны к саморазвитию после достижения окупаемости инвестиций;
- основные выгоды приносят бенефициару – инициатору проекта [6, с. 9].

Глобальные проекты развития встречаются в явном и скрытом виде, могут иметь различные сроки реализации, требуют различных объемов инвестиций, задействуют государственные и частные ресурсы, предполагают изменение природы и образа мышления людей. По своей сути такие проекты – это матрица, создаваемая для «выращивания» экономики в нужном направлении. Идея глобальных проектов развития как нельзя лучше соответствует знаменитая фраза нобелевского лауреата по физике Денеша Габора: «Будущее невозможно предвидеть, но можно изобрести». Реализуя столь крупные проекты, ведущие экономики мира вместо решения бесконечных проблем, исходящих из внешней среды, концентрируют усилия на конструировании и воплощении в действительность собственного видения будущего.

С позиций кейнсианской экономической школы, в частности модели Харрода – Домара, любые крупные инвестиционные проекты представляют собой проекты развития. Кейнсианцы полагают, что единственным, по сути, фактором стимулирования экономического роста выступают инвестиции, которые формируются на основе сбережений; поэтому увеличение доли сбережений в ВВП ускоряет экономический рост [7]. Данное положение нашло практическое подтверждение в период Великой депрессии в США, а также в послевоенной Европе.

Классическим примером государственных инвестиций в общественные блага, которые, в соответствии с кейнсианским учением, стимулируют экономический рост, является проект строительства автомобильной дороги *Route 66*, ставшей впоследствии символом американской культуры и американского образа жизни. Автомобильная дорога *Route 66*

протяженностью чуть менее 4 тыс. км связывает Чикаго с Лос-Анджелесом, проходя с севера на юго-запад США по территории девяти штатов. Проект трассы, соединяющей множество населенных пунктов на западе Америки с крупными городами был представлен в 1926 г., однако строительство остановилось после начала Великой депрессии. В 1933 г. строительство, финансируемое федеральным правительством и вовлекавшее широкие массы безработных, возобновилось и было завершено в 1938 г.

Другой знаменитый проект того времени – план Маршалла – предполагал инвестирование в экономику европейских стран, нацеленное на восстановление промышленности и рост международной торговли. Данный проект, задуманный в 1947 г., разрабатывался до 1952 г., однако значимый эффект в виде экономического роста европейских стран наблюдался уже в 1950 г. Американские инвестиции в Европу сформировали крупный рынок для доминировавшей в то время американской промышленности. План Маршалла имел также важное геополитическое значение: создавая санитарный кордон богатых стран Западной Европы, США надеялись сдержать распространение коммунизма в начале холодной войны [6].

Современные экономисты и историки часто сравнивают план Маршалла с проектом «Один пояс – один путь», инициированным китайским правительством в 2013 г. Возросшая экономическая мощь Китая позволила ему вступить в «конкуренцию в развитии» с Соединенными Штатами Америки и Европейским союзом. Создание Нового шелкового пути преследует достижение не только логистических целей в части снижения стоимости транспортировки товаров из Китая в Европу, но также производственных и финансовых, включая обеспечение китайским производителям доступа к важнейшим рынкам товаров и сырья, а также повышение роли Китая, в частности юаня, в мировой финансовой системе, придание нового импульса развитию китайской экономики, которая на фоне замедления темпов роста остро нуждается в новых рынках для полной загрузки промышленного сектора.

Помимо инвестиционных и инфраструктурных проектов глобальными проектами развития можно назвать проекты новых глобальных институтов, стимулирующих рост и обеспечивающих конкурентоспособность инициатора.

Долгое время в истории роль мировой резервной валюты играло золото, а международные экономические отношения регламентировались двусторонними соглашениями между партнерами. После Второй мировой войны США инициировали Бреттон-Вудское соглашение и, как крупнейшая экономика блока победителей, смогли институционально закрепить свое экономическое превосходство. Примечательно, что англичанин Джон Кейнс, пользовавшийся в то время огромным авторитетом среди экономистов и политиков, выступил категорически против его подписания. Отказался от подписания Бреттон-Вудского соглашения и Советский Союз, которому была уготована роль подчиненной стороны. Соглашение предусматривало создание наднациональных институтов нового поколения – Международного валютного фонда, Международного банка реконструкции и развития и Генерального соглашения по тарифам и торговле, выступающих в качестве системы международных расчетов, основанной на долларе США как мировом платежном и резервном средстве. Формирование мировой валютной системы, не привязанной к золотому стандарту, обусловило последующий рост объемов международной торговли и обеспечило Америке ведущую роль в мировой экономике на долгое время.

В последние годы были анонсированы три новых международных соглашения (так называемая триада проектов в международной торговле), которые пока что находятся в процессе обсуждения и подписания: о Транстихоокеанском партнерстве (ТТП); Трансатлантическом торговом инвестиционном партнерстве (ТТИП); торговле услугами (Trade in Services Agreement, TiSA). В них, как утверждают эксперты, продвигается идея лишения государства статуса игрока, который стоит над отношениями корпораций, что позволит последним игнорировать национальное право и политические институты управления, подотчетные гражданам, навязывая извне принятие законов и устанавливая правила национального общежития.

Таким образом, ТТП, ТТИП и TiSA – это не спонтанная реакция на изменения глобальной среды, а вариант стратегического видения будущего со стороны руководства крупнейшей корпорацией мира, механизм открытия новых рынков на базе альтернативных активов, которые ранее никогда не торговались, считаясь предметом заботы государства – социальных услуг [8]. Эти соглашения являются примером консолидации частной инициативы и попытки воздействия глобальных корпораций на национальные правительства, включая американское.

Причины зависимости периферийных экономик

Периферийные и во многом полупериферийные экономики являются зависимыми, главным образом от внешних условий, формируемых глобальными рынками. Различают внутренние и внешние причины зависимости периферийных экономик. Внешние причины происходят из высокой волатильности финансовых и товарных рынков, которая не в последнюю очередь генерируется развитыми странами в целях извлечения доходов и формирования неблагоприятных условий для периферии. Очевидный пример – колебания цены нефти и их влияние на развитие ее чистых экспортеров, например Венесуэлы, доля нефти в экспорте которой превышает 95 %. Внутренние причины зависимости периферии кроются в низкой структурной сложности подобных экономик: их экспорт слабо диверсифицирован, а цепочки добавленной стоимости короткие. Такие страны экспортируют преимущественно сырье, а технически сложные продукты и их наукоемкие компоненты закупают.

В зависимых экономиках, специализирующихся на технологически несложных производственных процессах и добыче сырья, происходит снижение удельного веса обрабатывающей промышленности и рост доли услуг в ВВП, что многими воспринимается как положительный тренд, указывающий на скорый переход экономики в новое качество, именуемое постиндустриальной стадией развития общества. Такая точка зрения лежит в русле общепринятой в экономической социологии теории модернизации. Суть ее в том, что все общества проходят через одни и те же стадии и сегодняшние неразвитые страны находятся в том же положении, что и нынешние развитые некоторое время назад. Более тесная интеграция неразвитых обществ в мировой рынок, их ускоренная модернизация могут помочь им быстрее войти в стадию постиндустриального общества.

Совершенно иной взгляд на происходящее формируется, если руководствоваться положениями так называемой теории зависимости, утверждающей, что экономическая отсталость периферийных стран является как раз результатом их интеграции в мировую экономику. Приведем, например, некоторые признаки зависимых, или периферийных, экономик, перечисленные представителем данного научного направления, египетским экономистом Самиром Амином:

- углубление специализации на экспорте продуктов сельского хозяйства и полезных ископаемых;
- хронический дефицит сальдо текущего счета платежного баланса;
- рост третичного сектора (сферы услуг) со скрытой безработицей и возрастающей ролью аренды;
- возрастающее значение государственного капитализма и слоя госслужащих.

По большому счету перечисленные признаки периферийных экономик свойственны в той или иной степени всем государствам – участникам Евразийского экономического союза, которые после снижения мировых цен на сырье переживают рецессию.

Что мешает периферийным странам повернуть ситуацию вспять, наладить собственное производство наукоемкой продукции, использовать во благо национальной экономики предпринимательскую инициативу и творческие способности своих граждан? Высокая неопределенность и риски вследствие постоянного изменения объемов экспортных доходов делают макроэкономическую ситуацию в зависимых странах слабо предсказуемой: периоды бурного роста чередуются с кризисами. Экономисты Рик ван дер Плог и Стивен Польхекке по результатам исследования статистики по выборке из 37 стран основной причиной действия «ресурсного проклятия» назвали высокую волатильность на сырьевых рынках, непредсказуемые колебания цен на которых тормозят экономический рост [9]. В итоге наиболее предприимчивые граждане вместо реализации долгосрочных проектов в своей стране демонстрируют рентоориентированное поведение, стремясь извлекать из собственного или чужого, в том числе государственного, бизнеса высокие краткосрочные доходы и быстрее перевести их в менее рискованные активы – как правило, иностранную валюту, счета зарубежных банков либо недвижимость за рубежом. Таких людей не пугает возможное наказание, поскольку интуитивно они оценивают существующие альтернативы и риски и выбирают наиболее надежный, по их мнению, вариант сохранения капитала.

Несмотря на видимую зависимость развивающихся экономик, в последнее время они также демонстрируют элементы экономического конструктивизма в своей международной экономической политике, отстаивая собственные экономические интересы. Об этом свидетельствуют результаты прошедшей в декабре 2016 г. в Вене встречи

государств – членов ОПЕК и других крупных экспортеров нефти, которые сумели договориться о сокращении объемов добычи. В результате нефтяные котировки превысили 50 долл. США за баррель, что должно благоприятно сказаться на бюджетах стран-экспортеров.

Рассуждая о возможностях преодоления рецессии в контексте обеспечения неоиндустриализации российской экономики, профессор Сергей Губанов акцентирует внимание на необходимости создания системы межотраслевого взаимодействия на основе структур с вертикально интегрированным строением: системе чужих транснациональных компаний (ТНК) необходимо противопоставить систему своих ТНК [10, с. 10]. Данная инициатива находит подтверждение в мировой экономической науке: по мнению Франсуа Перру, важнейшая задача экономической политики государства заключается в создании «полюсов роста» и сознательном управлении средой распространения их эффекта через систему межотраслевых взаимосвязей типа «затраты – выпуск» [2, с. 51].

Межотраслевое взаимодействие в мировой практике осуществляется в рамках глобальных цепочек стоимости (англ. *global value chains*), в которых происходит интеграция добавленной стоимости, произведенной в национальных экономиках, в конечную продукцию. Позиции экономик ядра и периферии в глобальных цепочках стоимости также четко дифференцированы: первые специализируются на предоставлении знаниеемких услуг и производстве высокотехнологичных компонентов, а последние – на ресурсоемких и экологически небезопасных технологических процессах. Соответственно, приоритетной задачей для преодоления экономической зависимости становится формирование собственных национальных и межнациональных (в рамках ЕАЭС) цепочек добавленной стоимости с полным технологическим и воспроизводственным циклом: от научной разработки до вывода продукта на рынок. И основная проблема наших стран не столько в слабой инновационной активности и отсутствии конкурентоспособной научной продукции, сколько в отсутствии работоспособной инфраструктуры для превращения новых идей и проектов в массовую продукцию. Если инновации и внедряются, то в основном точечно, а для достижения экономической эффективности требуется их тиражирование.

Экономический конструктивизм в малой открытой экономике

Учитывая изложенное, можно сформулировать несколько общих выводов и практических рекомендаций по применению элементов экономического конструктивизма в развивающихся экономиках:

- современная система планирования в передовых экономиках многократно сложнее традиционной системы командно-административного управления. Она в первую очередь предполагает воздействие на фактор рыночного спроса, поэтому при достижении задач, поставленных инициаторами планов и проектов, в полной мере исполняются закономерности функционирования и развития рыночной экономики;
- деятельность по формированию и реализации долгосрочных замыслов и новых идей экономических субъектов в собственных экономических интересах можно назвать экономическим конструктивизмом. В мировой экономической системе «ядро – периферия» экономический конструктивизм является средством обеспечения и поддержания национальной конкурентоспособности передовых стран;
- практическим воплощением экономического конструктивизма выступают глобальные проекты развития – особо крупные международные проекты, нацеленные на экономическую экспансию инициаторов либо на ослабление их геополитических конкурентов за счет создания новых институтов, технологий и схем ведения бизнеса, тиражирование которых в мировой экономике приносит наибольшую выгоду инициаторам подобных проектов;
- периферийные экономики становятся объектами воздействия экономического конструктивизма ядра мировой системы, зависимы от передовых стран по целому ряду факторов, и от этой зависимости вряд ли можно избавиться одномоментно;
- отказ от традиционной системы государственного планирования, учитывая недостатки последней, возможен, но при этом следует понимать, что страна со своими ресурсами и населением будет включена в планы субъектов ядра мировой системы, а ее ресурсы будут использованы в интересах разработчиков таких планов, но вряд ли в национальных интересах;
- внедрение элементов экономического конструктивизма в развивающихся экономиках также возможно, но может оказаться достаточно длительной процедурой.

Необходимо искать все возможные пути участия в глобальных цепочках добавленной стоимости, но при этом четко осознавать и учитывать национальные макроэкономические интересы, которые, кроме получения прибыли, подразумевают рост добавленной стоимости и превышение валютных поступлений над выплатами в операциях с внешним миром;

- избавлению развивающихся экономик от экономической зависимости также будет способствовать повышение их структурной сложности на основе создания замкнутых цепочек добавленной стоимости, проектирования национальных институтов, содействующих тиражированию инноваций и развитию инновационного предпринимательства.

Белорусская экономика – это малая открытая экономика, которая в силу ограниченности ресурсной базы и емкости внутреннего рынка не может оказывать существенное влияние на мировую экономику и зависит от развития внешнеэкономических связей. Если под экономическим конструктивизмом понимать воздействие на внешнюю среду, то может ли в принципе малая открытая экономика использовать его элементы?

Надо полагать, что экономический конструктивизм представляет собой прежде всего творческую деятельность, результатом которой становятся новые идеи и возможности для экономического развития, являющиеся упреждающими ответами на актуальные вызовы внешней среды. При этом для реализации элементов экономического конструктивизма в малой открытой экономике необходим фундамент в форме общих принципов, отражающих национальные интересы, а также приоритеты внешней и внутренней экономической политики. В Беларуси такой фундамент сформирован и включает в себя нормативно-законодательную базу, систему государственной власти, систему традиций и ценностей общества. Хотелось бы выделить ключевые институты, позволяющие реализовывать элементы экономического конструктивизма в Беларуси:

- 1) национальная система планирования и прогнозирования, которая призвана, при безусловном приоритете законов рыночной экономики, объединять экономические субъекты для решения общенациональных задач в части роста добавленной стоимости и чистого экспорта, ресурсосбережения и инновационного развития;

- 2) многовекторная международная экономическая политика государства, подразумевающая возможность и необходимость сотрудничества государства с различными странами, экономическими блоками и регионами мира.

Малая открытая экономика вряд ли сможет долгое время сопротивляться мировым тенденциям и противопоставлять себя глобальным игрокам, таким как транснациональные корпорации. Однако в целях обеспечения национального суверенитета она может диверсифицировать свое торговое, инвестиционное, научно-техническое сотрудничество, минимизируя риски и снижая зависимость от каждой конкретной стороны.

В общемировой практике многовекторная политика представляет собой один из новых методов многосторонней дипломатии, соответствующих изменяющимся качествам международных взаимоотношений на нынешнем, трансформационном, этапе развития мироустройства. В ее рамках группа стран взаимодействует в гибких форматах для реализации общих интересов и также для того, чтобы совокупными усилиями способствовать позитивной повестке дня международных отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК (REFERENCES)

1. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 2008.
2. Промышленная политика в условиях новой индустриализации / К. Н. Андрианов [и др.] ; под ред. С. А. Толкачева. М., 2015.
3. *Скидельски Р.* Кейнс. Возвращение Мастера : пер. с англ. М., 2011.
4. *Галл Я. М.* «Теория, с которой можно работать» : Чарльз Дарвин и идея естественного отбора // ВИЕТ. 2009. № 2. С. 3–23 [Gall Ya. M. «A theory one can work with» : Charles Darwin and the idea of natural selection. *Vopr. istorii estestvozn. i tekhniki.* 2009. No 2. P. 3–23 (in Russ)].
5. *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире : пер. с англ. / под ред. Б. Ю. Кагарлицкой. СПб., 2001.
6. *Шимов В. Н., Быков А. А.* «Экономический пояс шелкового пути» как транспортный маршрут и глобальный проект развития // Белорус. эконом. журн. 2016. № 2. С. 4–14 [Shimov V. N., Bykov A. A. «*Ekonomicheskii poyas shelkovogo puti*» kak transportnyi marshrut i global'nyi projekt razvitiya. *Beloruss. ekonomicheskii zhurnal.* 2016. No. 2. P. 4–14 (in Russ.)].

7. Маневич В. Е., Николаев Л. К., Овсиенко В. В. Теория экономической динамики Харрода и анализ российской экономики // Вводная статья к переводу монографии: Р. Харрод. Теория экономической динамики / пер. с англ. В. Е. Маневича ; под ред. В. Г. Гребенникова. М., 2008. С. 4–7.

8. Крутаков Л., Макушкин А. Бизнес с размахом // Коммерсант [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2927027> (дата обращения: 07.03.2016).

9. Ploeg, F., Poelhekke S. Volatility and the natural resource curse // *Oxford Econ. Papers*. 2009. № 61. P. 727–760 [Ploeg, F., Poelhekke S. Volatility and the natural resource curse. *Oxford Econ. Papers*. 2009. No. 61. P. 727–760 (in Engl.)].

10. Губанов С. Об экономической модели и долгосрочной стратегии новой индустриализации России // *Экономист*. 2016. № 2 [Gubanov S. Ob ekonomicheskoi modeli i dolgosrochnoi strategii novoi industrializatsii Rossii. *Ekonomist*. 2016. No. 2 (in Russ.)].

Статья поступила в редколлегию 01.12.2016.
Received by editorial board 01.12.2016.